Статьи. Теория

Сергей В. Соколовский
Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

Антропотехноморфизмы и антропология техно-корпо-реальности

В статье на основе концепций американских антропологов Эдварда Холла (влияния экстенсий на темп эволюции вида) и Грегори Бейтсона (фундаментальной единицей эволюции является не отдельный организм, а организм вместе с его средой) предлагается концепция ко-эволюции человека и его «экстенсий» (созданной им искусственной среды, в том числе техники). Техника рассматривается как гибридный объект, изначально захватывающий тело человека (техники тела, умения) и ко-экстенсивные этим техникам элементы вещной среды. Вводятся понятия антропотехноморфизма и техно-корпо-реальности, задающие новую методологическую перспективу, в рамках которой переосмысляются некоторые проблемы и факты экологической, эволюционной, культурной и биоантропологии, имеющие отношение к концептуализации эволюции человека в эпоху антропоцена. В частности, отмечается редукционизм версий антропогенеза и сапиентации, преувеличивающих роль природных факторов и преуменьшающих роль техник тела (умений) и их овеществленного результата (искусственных элементов среды или техносферы). Подчеркивается гибридный характер эволюционирующих единств, объединяющих органические тела с биологической и косной средой. Рассматриваются проблемы границ тела и его тождественности во времени, а также влияние мереологических классификаций экстенсий на внешние и внутренние в контексте проблемы границ тела.

В заключительной части статьи рассматривается онтоплюралистическая концепция атеросклероза в работе Аннемари Мол «Мно-

Соколовский Сергей Валерьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Научные интересы: теория и методология антропологии, исследования тела, биоэтика, сенсорная антропология. E-mail: SokolovskiSerg@mail.ru
Sergei V. Sokolovskiy — PhD, principal research associate, Department of Ethnic Ecology, Institute of Ethnology and Anthropology, Rus. Acad. Sci. Research interests: theory and methodology in anthropology, bio-ethics, human body studies, sensory anthropology. E-mail: SokolovskiSerg@gmail.com

Sociology of Power
Vol. 29
№ 3 (2017)

жественное тело» в сопоставлении с предлагаемой автором научно-реалистической трактовкой атеросклероза как конкретной единицы нозологической классификации, по-разному конструируемой хирургами, радиологами и гематологами. Предлагается объяснять вариативность «атеросклерозов» как конкретное разнообразие техноморфизмов, реализуемых в условиях операционной, или гематологической и радиологической лабораторий.

Ключевые слова: Техно-Корпо-Реальность, тело, морфа, антропотехноморфизм, эволюция человека, экстенсия

Sergei V. Sokolovskiy, Institute of Ethnology and Anthropology, Moscow, Russia
Anthropotechnomorphisms and the Anthropology of Techno-Corpo-Reality

Edward Hall's idea of human extensions and Gregory Bateson's view on the fundamental evolutionary unit as a combination of the organism and its milieu are used in treatment of human evolution as co-evolution of Man and environment, both natural and artificial. The concept of technics is used as hybrid entity, comprising somatic and extra-somatic elements, or body technics and their co-extensive non-organic artefacts, or extensions. The author introduces the concepts of anthropotechnomorphism and Techno-Corpo-Reality, serving as foci for the study of co-evolution of human body and its technical milieu in anthropology thus suggesting new research perspective for ecological, evolutionary, cultural, and bio-anthropology. The paper suggests a critical view on reductive character of most current theories of human evolution and somatic differentiation, which underscore geographical and biological factors by simultaneously understating the roles of corporeal and extra-corporeal technics and hybrid nature of the evolving anthropotechnomorphic entities. The problems of body boundaries and its identity over time are considered within Marshall McLuhan's mereological perspective of "innering" and "outering". It is argued that the perception of certain human extensions or enhancements as intra- and exosomatic is inherent in the issue of somatic identity persistence. Finally, ontopluralistic metaphysics, suggested by Annemarie Mol's treatment of atherosclerosis in her "Body Multiple", is contrasted with scientific realist version of a single nosological unit, differently constructed by radiologists, surgeons, or haematologists as various technomorphic assemblies that all pertain to a single diagnosis.

Keywords: Techno-Corpo-Reality, body, morph, anthropotechnomorphism, human evolution, human extensions

doi: 10.22394/2074-0492-2017-3- 23-40

В книге известного американского антрополога и лингвиста, основателя проксемики Эдварда Холла «Beyond Culture» (1976) есть глава с интригующим названием — «Man as Extension». Для термина «extension» в используемых Холлом словосочетаниях и контек-

стах, вопреки очевидности и прозрачности его смыслов (удлинение, приставка, расширение, продление и т. п.), трудно подобрать русское соответствие; впрочем, он сохраняет свою метафоричность и в английском. Может быть, именно эта метафоричность сыграла свою роль в том, что идея влияния разнообразных «экстенсий» в эволюции человека до сих воспринимается биоантропологами с оговорками.

Холл начинает эту главу скрытой цитатой из работы американского орнитолога Э.Т. Джильярда, писавшего, что один из натуралистов XIX в. (Джильярд не называет его имени) противопоставлял шалашников всем прочим птицам точно так же, как зоологи в то время делили отряд млекопитающих на человека и всех остальных [Gilliard, 1963, p. 38]. В подтверждение значимости противопоставления шалашников остальным птицам Джильярд приводит мнение другого известного биолога, одного из основателей современной экологии и автора носящей его имя концепции экологической ниши, Дж.Э. Хатчинсона, писавшего, что «архитектурные, инженерные и декорационные умения шалашников по их сложности и утонченности остаются в царстве животных, за исключением лишь человека, совершенно уникальными» (цит. по [Gilliard, 1963, p. 38].

Кто такие шалашники и почему особенности их поведения помогают лучше понять некоторые стороны эволюции человеческой телесности и переосмыслить проблему границ тела? Австралийские и новогвинейские шалашники более всего известны публике по фильму Дэвида Аттенборо «Искусство обольщения». Орнитологи по разным данным знают 15–18 видов этого семейства, но лишь 12–13 из них строят шалашики — сложные, иногда многокамерные сооружения из веточек, вход, расчищенный «дворик» и интерьеры которых искусно украшаются свежими цветами (увядшие подлежат немедленной замене), раковинами, яркими листьями, орехами и желудями, переливающимися надкрыльями жуков и бабочек и т. п. [Gilliard, 1963; Kusmierski et al., 1993, p. 738].

Холл из разговоров с Джильярдом выяснил, что такое поведение птиц в десятки раз ускоряет эволюционный процесс, позволяя им занимать новые экологические ниши или адаптивные зоны [Hall, 1989, p. 26], и обобщил этот принцип в предлагаемом им понятии «evolution by extension». Ускорение происходит, когда половой отбор и конкуренция среди самцов смещается с яркости окраски оперения самих птиц на экстракорпоральные «экстенсии» (шалашики и площадки перед ними), скорость изменения которых оказывается несопоставимо выше скорости подхватываемых отбором генетических мутаций. Эволюционный процесс сразу обретает новую динамику. Такого рода «овнешнение», или экстериоризация телесных по происхождению характеристик и проецирование или модели-

рование их в предметах окружающей среды (вещах), действующих теперь как эффективная замена, или своеобразный протез этих характеристик, не только предоставляют натуралистам новые возможности для концептуализации полового отбора, но и дают возможность антропологам переосмыслить взгляды на эпохальные изменения морфологии и габитуса *Homo sapiens* как вида, находившегося в течение десятков тысяч лет под влиянием изобретаемых им «экстенсий», т. е. инструментов, умений и приемов действия или технологий.

Почему же техника и технологии, создающие «вторую природу», которую в силу ее глобальности именуют *техносферой*, вопреки популярной марксистской трудовой концепции происхождения сознания и орудийной деятельности как основы сапиентации, не стали центральными для построений морфологов-эволюционистов и не вошли в число ключевых факторов морфогенеза? Дело в том, что антропологи, в особенности так называемые физические антропологи, в своих эволюционистских и антропогенетических концепциях до сих пор склонны резко противопоставлять природу и культуру и противополагать собственно биологическое — неорганическому и техническому. При этом техника трактуется ими по преимуществу в *узком* смысле — как совокупность внешних инструментов, аппаратов и устройств, создаваемых человеком чаще всего из неорганических материалов. Здесь мы сталкиваемся с прототипическим образом техники как «железа», т. е. как физических объектов, зачастую состоящих из искусственно полученных материалов (металла).

Вопреки существованию известных работ о техниках тела Марселя Мосса [Mauss, 1936] и Андре Леруа-Гурана [Lerou-Gourhan, 1943, 1945], телесные умения, способности, интериоризированные диспозиции и установки обычно не учитываются при рассмотрении антропогенеза и последующей адаптивной дифференциации человечества, трактуемой как серия морфологических (биологических, генетических или соматических) адаптаций. Краткосрочные изменения под влиянием факторов среды (как природной, так и искусственной, например, адаптации к климату отапливаемых помещений) вычеркиваются из числа эволюционных факторов, списываясь на так называемую норму реакции. Человеческое тело столь лабильно, а норма его реакции настолько широка, утверждают морфологи, что тело способно на краткосрочные, не имеющие эволюционного значения адаптации, и, стало быть, искусственная среда, создающаяся чаще всего как защита, т. е. как бы по умолчанию более комфортная для человеческого организма, чем природная, вряд ли может рассматриваться в качестве эволюционного фактора. Такого рода рассуждения позволили фактически вывести техники

тела из числа легитимных объектов биоантропологических исследований, а узкая трактовка техники как совокупности внешних устройств из неорганических материалов лишь способствовала углублению разрыва между телом и техникой, которого при ином развитии взглядов могло бы и не быть.

Пример шалашников показывает, что между телом-инструментом, техниками тела и способными быстро изменяться (адаптироваться) технологиями есть преемственность и переходы, а разрыв между телом и технологией, между внутренним и внешним, не столь глубок, как его принято мыслить в стандартных схемах эволюции. Свою роль в углублении этого разрыва сыграли и различные конкурирующие философские концепции телесности и техники, однако наиболее существенную роль в постулировании этого разрыва сыграло неверное определение единицы отбора, т. е. фундаментальной единицы эволюционного процесса.

У антропологов других специализаций, именовавшихся в советское время этнографами, роль техносферы в эволюции культуры и общества не отрицалась, однако техника даже в качестве предельно общего понятия как процесса и результата воплощения целесообразной человеческой деятельности редко становилась объектом теоретизации. Ее роль выполняло понятие материальной культуры, а в случае советской этнографии — довольно специфический концепт *этнической культуры*, членимой для удобства анализа в соответствии с классической триадой пища — жилище — одежда, иногда дополняемой четвертым элементом — средствами передвижения, т. е. транспортом. Поскольку телом занимались био- или «физические» антропологи, оно редко привлекало внимание этнографов, разве что в качестве объекта ритуальных трансформаций (татуировка, скарификация, спиливания зубов, деформации мочек ушей, шеи или ступней и проч.)[1].

1 В этой связи показателен разговор, который состоялся у меня с корифеем отечественной этнологии С.А. Арутюновым, наверное, уже четверть века назад. Случилась эта беседа в Ростове Великом в стенах Митрополичьего двора, где проходила одна из конференций этнографов, на которой меня угораздило выступить с резкой критикой доминировавшей тогда теории этноса в версии Ю.В. Бромлея и его коллег. Основными моими аргументами, насколько я помню, были наблюдения о несовпадении географии сходств и различий с этническими границами, иными словами — культурно-языковая мозаичность постулируемых этой теорией единиц, что с моей точки зрения доказывало их типологический (конструктивный), а не онтологический характер. Из возражений Сергея Александровича мне запомнилась фраза: «Дело не столько в том, что этническая культура однородна, она, разумеется, неоднородна, поскольку локальных вариаций никто не отрицает; дело в том, что люди, которые относят себя к конкрет-

Такой взгляд на эволюцию отнюдь не нов: известный антрополог-визионер Грегори Бейтсон, сформулировавший множество идей, далеко опережавших его время, в том числе и в области экологии, предлагал считать фундаментальной единицей эволюционного процесса «организм плюс среду»:

> ... ясно, что дарвиновская теория эволюции содержала очень крупную ошибку в определении единицы выживания при естественном отборе. Такой единицей, полагавшейся принципиальной, вокруг которой строилась теория, считался либо размножающийся индивидуум, либо семейная линия, подвид или другое подобное однородное множество особей того же вида (*conspecifics*). Я утверждаю, что последняя сотня лет доказала на опыте, если организм или их совокупность сосредоточивается лишь на собственном выживании, полагая, что это и есть основа для выбора адаптивных шагов, его "прогресс" венчается разрушением среды, что приводит к гибели самого организма. <...> Прежняя единица отбора была отчасти скорректирована генетиками-популяционистами, указавшими на неоднородность популяций. <...> Иными словами, в единицу отбора уже встроена возможность изменений. <...> Сегодня необходима дальнейшая корректировка: наравне с гибким организмом мы должны включить в эту единицу гибкую среду, поскольку, как я уже говорил, организм, разрушая среду, разрушает себя. Единицей выживания является организм-в-его-среде (*organism-in-its-environment*) [Bateson, 1972, p. 319–320].

Применительно к человеку этот принцип можно конкретизировать с помощью вводимых здесь понятий техноморфы и техноморфизма. Выбор этих терминов мотивирован следующими обстоятельствами. Биоантропологи долгое время считали, что с развитием человечества естественный отбор утрачивает свою формообразующую роль, поскольку факторы среды действуют разнонаправленно, что не способствует появлению заметных изменений на уровне вида в целом. Исходя из этого в концепциях расообразования де-

---

ному народу, все делают иначе, чем их соседи, — японцы или корейцы, например, спят, сидят, едят и даже дышат иначе, чем мы ...». Тогда со справедливостью этого наблюдения я согласиться был не готов, в общем, на тех же основаниях, на которых отвергал существование этносов, поскольку не верил, что все люди в рамках таких «типологических контейнеров» ведут себя столь уж одинаково. Сегодня, пусть с некоторыми оговорками, я склонен принять это наблюдение как отражающее реальность, но реальность не столько этнологическую (этничность для меня остается политическим конструктом), сколько экологическую, фундаментом вариативности габитуса в которой выступает не столько культура, сколько среда в целом, включая ее природные и искусственные компоненты (т. е. техносфера как система, включающая техники тела, технологии и производимая ими вещная среда).

лался вывод, что макроэволюция завершена и появления новых рас ожидать не стоит. Критика расоведения как одной из форм расизма (концепций, косвенно способствующих распространению расистских воззрений) привела к отказу большинства антропологов от понятия расы, однако не отменила потребности в типологизации наблюдаемой вариативности строения человеческого тела. Даже если считать, что появление разных типов не может полностью объясняться разнообразием природно-географических факторов, но отражает также случайные события типа мутаций, генетического дрейфа в относительно изолированных популяциях и зависимости от пройденного пути (*path dependency*) и, как правило, не совпадает с географией брачных контактов (кругов брачных связей), а также часто с популяционными, языковыми или этническими границами, то все равно само существование таких соматотипов и их групп не может рассматриваться в качестве статистического артефакта, т. е. проявления случайности в существующих многочисленных и различающихся друг от друга классификациях.

Накопленные в медицине, антропологии и генетике знания о структурах тела, размерах и свойствах его тканей и органов свидетельствуют о наличии сбалансированной системы корреляций между ними, что и дает помимо сравнительных наблюдений достаточно надежные основания для типологии в таких областях биоантропологии, как соматология и краниология. Выделяемые в них типы вряд ли можно именовать расами, поскольку в общей биологии термин раса выступает синонимом подвида и всегда имеет ареальную привязку. Однако ничто не мешает нам рассматривать аналогичные типы у человека в качестве *морф*. Наше тело не различает влияний природной и искусственной среды, которые хотя и не действуют однонаправленно, но определенно на него влияют, и влияние техносферы оказывается вряд ли меньшим, нежели влияние био- или геосферных факторов. Человеческие технологии повсюду, где обитает человек, преобразуют среду его обитания, давно став глобальным феноменом, конкурирующим с природной средой или даже затмевающим ее влияние. Возникающие под совокупным влиянием искусственной и природной среды типы (совокупности габитусов — комплексов интериоризованных телесных диспозиций, привычек и умений) я предлагаю именовать техноморфами.

Большинство существующих версий антропогенеза и сапиентации остаются, с моей точки зрения, редукционистскими, поскольку преувеличивают роль природных и биологических факторов и соответственно преуменьшают роль созданных усилиями предков техник тела (умений) и их овеществленного результата (искусственных элементов среды или техносферы). Между тем даже повседневный опыт демонстрирует нам и формообразующую мощь

этой среды, и комплексную биосоциотехническую природу продолжающего изменяться под ее влиянием человека. Мы действительно способны не только по одежде, но и по походке и манере держать себя более или менее уверенно определять социальную страту, к которой принадлежит человек, а часто и его профессию, привычки и склонности.

В Японии люди действительно едят, спят и сидят иначе, чем в России, поскольку их телесные техники и вещная среда, отличаясь от наших, создает своеобычные *техноморфы*. Чтобы не быть голословным и продемонстрировать, насколько деятельность и среда формирует тело человека, а его профессия или спортивная специализация осуществляет отбор морфологически пригодных тел, сравним тела, например, борца сумо и каратиста, кисти пианиста и работающего с отбойником проходчика, ноги балерины и футболиста, технику гребли двумя руками — с распространенной в Юго-Восточной Азии греблей ногой, стили плавания у разных народов до введения современных, техники йоги и тайцзицюань … Однако техноморфизмы, отражая накопленные в ходе жизни умения и приспособления, не обязательно выстраивают тела под определенные цели и задачи. Вещная среда и привычные способы взаимодействия с ней оказывают ежедневное, но часто незаметное влияние: мы интериоризуем отсутствовавшие у нас изначально способности сбегать по лестнице, ездить на велосипеде или автомобиле, переходить дорогу по сигналу светофора, печатать слепым методом, чистить зубы и мыть руки.

Но все эти вошедшие в габитус привычки и умения оказываются под угрозой, стоит нам попасть в незнакомую нам вещную среду, отличающуюся, пусть только в мелочах, способами взаимодействия тел с конкретными вещами: москвичи разбивают лбы о стеклянные двери питерских вагонов метро при выходе из вагона, потому что в Москве отсутствует система двойных дверей; гости столиц теряют равновесие на эскалаторах и трэвелаторах; россияне ломают американские краны, пытаясь добыть воду; а англичане с отвращением глядят на раковины, в которые ее невозможно налить, чтобы умыться; незнакомая раскладка клавиатуры способна сорвать подготовку документа и т. д. В чуждой техносреде все идет наперекосяк, и многократно выручавшие нас дома и усвоенные с детства телесные техники и навыки вдруг становятся ловушками. Правда, в отличие от эволюции по дарвиновской модели неадаптированные к конкретной среде морфы не вымирают, не оставляя потомства. Они просто вытесняются в другие ниши, в которых чувствуют себя комфортнее, выбирают иной стиль жизни и иную среду, либо изначально не допускаются в те ниши, допуск в которые согласуется с особыми критериями, особенно очевидно работающими в спорте

высоких достижений или профессиональной подготовке к опасным для самого человека или других людей или же требующим особых навыков профессиям (хирурги, телохранители, музыканты, артисты балета и т. д.).

Физическая антропология как дисциплина по преимуществу морфологическая долгое время была сосредоточена на изучении вариативности так называемого *антропологического покрова* при учете зональной (биотической и абиотической) вариативности физико-географических факторов. Мозаичность техносферы, вариативность ее формообразующих влияний исследована явно недостаточно, главным образом потому, что биоантропологи, располагающие методами изучения соматологических, генетических и физиологических изменений, включая изменения иммунологического статуса, не изучали телесных техник и вариативности факторов искусственной или вещной среды. Последние изучались в социологии, культурной антропологии и археологии. Отказ от характерного для биоантропологов рассмотрения человека как существа лишь биологического и взгляд на него как на создание сущностно социобиотехническое, десятки тысяч лет эволюционировавшее под влиянием создаваемой им среды и меняющее собственное тело в результате овладения новыми умениями, техниками, привычками и диспозициями, заставляет перейти от редукционистских моделей к холистским и синтетическим и отказаться от узкодисциплинарных подходов.

Однако имеют ли социальные и гуманитарные дисциплины в целом достаточные средства для изучения техноморфизмов во всем их многообразии? Человечеством накоплен огромный опыт в детальной разработке, фиксации, техниках записи (это, впрочем, тоже телесные техники) и обучения техникам тела или видам движения. Существуют балетные школы и консерватории, профучилища и военная подготовка, школы боевых искусств и олимпийского резерва, врачебные интернатуры и занятия пилатес. Поддается ли все это многообразие хотя бы простому классификационному упорядочению, не говоря уже о теоретизации? О попытках такой классификации уже упоминалось выше в связи с работами М. Мосса и А. Леруа-Гурана [Leroi-Gourhan, 1945; Mauss, 1936].

Что касается теорий, то на сегодняшний день мы располагаем множеством подходов к концептуализации телесности, включая феноменологические, неотомистские, структуралистские, экзистенциалистские, неофрейдистские и проч., обзор которых не входит в задачи этой статьи, а также конкурирующими концепциями техники [Heidegger, 1954; Mumford, 1934; Ellul, 1954; Lemonnier, 1992; Stiegler, 1994, 1996; Rapp, 1987] и серией теоретических моделей габитуса, умений и привычек [Mauss, 1936; Bourdieu, 1979; Wacquant,

2011]. Антропологи и религиоведы добавят к этой литературе собственные концепции обычая, ритуала и ритуализации как механизмов объективации или овеществления повторяющихся комплексов действий [Sparrow, Hutchinson, 2013].

Весь это теоретический багаж становится актуальным при изучении стремительного развития технических инноваций и интенсивности взаимодействия человеческого тела и техники, разворачивающихся в условиях сближения и стирания границ между этими лишь по видимости автономными «царствами». Встречное движение киборгизации человека и андроидизации технических устройств, разворачивающееся на основе нейропрограммирования и успехов в области искусственного интеллекта, с одной стороны, и биотехнологий и генной инженерии, с другой, и обнаруживающее все новые арены для состязаний киборгов с андроидами, творит и принципиально новую реальность, которую я и предлагаю именовать Техно-Корпо-Реальностью. Некоторые из характеристик этой реальности будут рассмотрены ниже.

Техно-Корпо-Реальность и Человек 2.0

В конце 1970-х годов в одном из реферативных журналов была упомянута статья об асимметрии полушарий мозга Маршалла Маклюэна [McLuhan, 1978]. Одним из вопросов, который тогда меня заинтересовал, оказалась проблема границ тела в связи с вводимыми Маклюэном понятиями овнешнения, или экстериоризации (*outering*), и овнутрения, или интериоризации (*innering*). Маклюэн описывал устную речь как технику экстериоризации или, по заимствованному им у Холла термину (Холл и Маклюэн в период с 1962 по 1976 г. обменялись более чем 130 письмами [Rogers, 2000]), о котором уже шла речь выше, — одной из человеческих *экстенсий*. Эти термины задавали новый ракурс рассмотрения взаимовлияний тела и техники, диалектики внутреннего и внешнего и границ тела, актуализируя онтологическую проблематику существования тел.

Из рассуждений Маклюэна вытекают по меньшей мере два вопроса, связанных с пониманием границ тела: 1) можем ли мы рассматривать человеческое тело как вещь, имеющую четкие границы, т. е. как картезианскую *res extensa*, подчиняющуюся постулату, в соответствии с которым два *разных* тела одного класса не могут занимать одни и те же пространственно-временные координаты, и 2) можем ли мы говорить о сохранении тождественности тела, обретающего новые способности (техники тела), или экстенсии, и если можем, то на каких основаниях? Можно сформулировать эти вопросы проще. Ограничено ли тело кожей? С одним или разными телами мы имеем дело, если речь идет об обретении новых уме-

ний, включая соматические и экстрасоматические «дополнения» и «приставки»? Возникает и еще один вопрос, звучащий в данном контексте несколько схоластически, но сохраняющий смысл в дискуссии о границах тела — где кончается тело и начинается техника и создаваемая ею техносреда?

Холл и Маклюэн трактовали культуру в целом, социальные институты и медиа как сложные экстенсии того, что прежде было телесным и/или внутренним, указывая также на автономизацию «приставок», их объективизацию в наших представлениях и их способность к незапланированным и неожиданным влияниям на человека, его разум и тело (ср.: [Hall, 1989, p. 36–37]). Здесь мы сталкиваемся с другой проблемой метафизического, или, точнее, мереологического характера — проблемой соотношения части и целого, их влияния на идентичность и преемственность (сохранение идентичности во времени). В обыденном сознании некоторые виды экстенсий (которые, поскольку они локализуются внутри тела, было бы точнее именовать *интрузиями* — кардиостимуляторы, искусственные суставы и сосуды) рассматриваются как части тела, интимно связанные с его функционированием и, стало быть, существованием. В то же время другие классы экстенсий, даже из группы протезов (очки, например, или контактные линзы), оставаясь персональными и в этом смысле интимными, во многих ситуациях не рассматриваются как части тела, и их изменения не трактуются как телесные, хотя они могут самым непосредственным образом сказываться на поведении и самочувствии индивида.

Иными словами, в каждом конкретном случае, относя компенсацию соматического дефекта или некоторое телесное «усовершенствование» (здесь эта проблематика смыкается с огромной литературой по *human enhancement*, т. е. различным компенсаторным или максимизирующим человеческие способности приборам и протезам) к внешним или внутренним, классифицируя их то как части тела, то как экстрасоматические дополнения, мы не только заново определяем границы тела, но и принимаем решение относительно того, какие перемены будут считаться изменениями телесной идентичности, а какие сбрасываться со счета как отдельные, автономные, не имеющие прямого отношения к телесной тождественности. Похожая ситуация наблюдается и в отношении «натуральных» частей тела. М. Мерло-Понти, рассуждая о схеме тела, напоминает нам о феномене фантомных болей и изменениях схемы тела, переживаемом как отсутствие конечности, при обычном затекании руки [Merleau-Ponty, 1945, p. 90–91].

Несмотря на, казалось бы, далекий от практики метафизический характер такого рода концептуализаций, они имеют очевидные практические и политические измерения. Примером может слу-

жить допинг-скандал с российскими спортсменами. Дискуссия о применении мельдония может рассматриваться как частный случай установления границ между «естественными» способностями тела спортсмена и «искусственными» фармацевтическими их экстенсиями, между нормализованным телом атлета — и телом, «дополненным» медицинскими технологиями (здесь возникает особая версия «дополненной реальности» — «дополненное тело»), коротко говоря, между телом и техникой. В то же время в соревнованиях паралимпийцев техническое, в том числе медицинское и фармакологическое (в разрешенных антидопинговым агентством формах) «дооснащение» тел оказывается приемлемым. Если честность здесь увязывается с «чистотой», трактуемой как «природные данные» плюс (природные же) воля и характер спортсмена, т. е. как попытка провести четкое разделение между техниками тела и техникой как совокупностью технологических экстенсий, то такие построенные на метафизике здравого смысла подпорки для этики обречены — сомневающиеся в справедливости применяемых здесь критериев найдутся всегда.

Французский врач и философ Ж. Кангийем в книге «Знание жизни» сближал отношение между организмом и его средой с отношением между органами и телом:

> С биологической точки зрения необходимо понимать, что связь между организмом и средой является такой же, как и связь между частями и целым данного организма. Индивидуальность живого не замыкается его эктодермическими границами, точно так же, как она не начинается на уровне клетки. Биологическая связь между организмом и его средой является связью функциональной и, следовательно, мобильной; ее составляющие могут последовательно меняться ролями. Клетка является средой по отношению к внутриклеточным элементам; она сама живет во внутренней среде, составляющей либо орган, либо организм в целом; сам организм живет в среде, которая определенным образом является для этого организма тем же, чем организм является по отношению к его частям [Canguilhem [1952], 2008, p. 111].

Ссылаясь на работы Я. фон Икскюля, предлагавшего различать *Umwelt* (среду, производимую самим организмом), *Umgebung* (географическую среду) и *Welt* (мир в целом, исследуемый наукой), Кангийем подчеркивал особый характер производства *Umwelt'*а, отмечая, что живое существо «не является машиной, отвечающей на раздражители реакциями», скорее уж оно является «машинистом, отвечающим операциями на сигналы» [Ibid., p. 111–112]. Важно то, что такой организм реагирует только на определенные раздражители или сигналы, а не на потенциально бесконечное число имеющихся в *Umgebung* раздражителей. Результаты такого отбора и отражают-

ся в конституировании «близкой среды» (*Umwelt*'а) организма. Макроэкологические эксперименты с ре-интродукцией утраченных в дикой природе видов смыкаются здесь с микроэкологическими технологиями восстановления нормы внутренней среды человеческого тела; иными словами, манипуляции с экобиомой влияют в том числе и на биому человеческого организма.

Рассмотрение тем границ тела и условий сохранения его тождественности заставляет относиться к словам серьезнее, чем мы привыкли. Меняется ли тело под воздействием *впечатления*? Если, как утверждают психологи-когнитивисты, мы мыслим не только мозгом, но и всем телом, и если, как свидетельствуют детские психологи и теоретики обучения, жест онтогенетически предшествует речи, то провести грань между психическим и соматическим становится затруднительно, и, стало быть, действует и обратное: не только механическая скарификация оставляет шрамы на теле, столь же неукоснительно меняют его и психические травмы.

Проблемы соотношения целого и части, тела и его границ многократно усложняются благодаря развитию биотехнологий, стирающих персональные границы и порождающих сложные биоэтические и правовые проблемы. Генная инженерия, донорство органов, экстракорпоральное оплодотворение, банки спермы, яйцеклеток и эмбрионов, искусственные ткани и органы, эксперименты с подселением генно-модифицированной пробиоты в организм человека, вживление чипов, создание все более мощных моделей нейронных сетей и попытки синтеза органических и неорганических элементов в компьютерах нового поколения — вот неполный перечень конкретных реализаций биополитики и биовласти, ведущих к созданию Человека 2.0.

До сих пор внимание исследователей и инженеров было приковано к оптимизации техники под потребности человека, включая его телесные потребности. Следовало бы уделить внимание и параллельно развертывающемуся процессу «оптимизации» тел, прилаживающихся под локальные особенности технических сред, приспосабливающихся к тем процессам, которые лежат в основе реальности, обозначенной выше как Техно-Корпо-Реальность. Смысл этого нового понятия — в подчеркивании единства и сопряженности изменений тела и его среды, что отражается на концептуализации отдельных человеческих тел как социобиотехнических сущностей или техноморф.

Введение понятий техноморфы и техноморфизма требует демонстрации их операциональности и качественных отличий от конкурирующих понятий. Различение *техноморфы* от *морфы*, как она трактуется в биогеографии и экологии, не представляет особой

сложности, если мы будем проводить отличия не по факторам влияния (не слишком последовательно и убедительно разделяемым на природные, с одной стороны, и искусственные, т. е. культурные или технические — с другой), а по *происхождению* элементов, участвующих в ассамбляжах, или сборках соответственно морф и техноморф. Здесь работает старое аристотелевское различение между вещами, имеющими причину развития внутри себя, характерными для живого, и вещами и элементами, имеющими свои причины вовне, что свойственно косной материи, в том числе и артефактам. Техноморфы в отличие от морф — это гибридные системы, совмещающие живое и косное.

Однако способы такого совмещения могут различаться в зависимости от того, оказываются ли элементы техносреды внедренными в тело интрузиями или дополняющими его экстенсиями. Чтобы продемонстрировать, как эти различения работают в исследовательских практиках биомедицины и антропологии, возьмем конкретный пример из практик врачей и их интерпретаций второго и третьего порядка, что позволит уточнить существующие онтоплюралистические интерпретации этих практик, а заодно и отличие техноморфы от техноморфизма.

Онтоплюрализм и научный реализм

Поскольку работы Аннемари Мол хорошо знакомы читателям журнала (ср. перевод предисловия ее книги, опубликованный в № 1 за 2015 г.), удобнее всего взять одну из них в качестве примера. Название ее наиболее известной работы «The Body Multiple» [Mol, 2002] не поддается прямому переводу на русский, и, как мне представляется, встречающиеся в рецензиях трактовки «множественности» не всегда отдают должное сложности описываемой в этой книге онтологии. Что оказывается множественным у Мол? Тела, атеросклерозы, практики врачей, реальности, их интерпретации? Что думают сами врачи об этой постулируемой аналитиком «множественности»?

Потенциальные применения (*enactments*) любой вещи бесконечно множественны. Одна и та же игла в руках хирурга и инквизитора реализуется как разные инструменты, так же, как и один и тот же молоток в руках плотника — столярный инструмент, в руках убийцы — орудие преступления. В предлагаемой здесь терминологии эти инструменты скорее выступают в качестве различных техноморфизмов, в структуру которых входят не только люди и инструменты, но еще человеческие цели и аффекты, а также, не будем забывать, — и различные техники тел акторов, эти инструменты использующих. Однако означает ли множественность этих *потенци-*

альных реализаций (*affordances*) то, что мы сталкиваемся здесь с разными иглами и молотками? Скорее, мы обнаруживаем разные сборки (ассамбляжи), в состав или композицию которых входит один и тот же подчиняющийся Лейбницеву закону тождественности молоток или та же самая игла. От них не требуется ни коренного изменения их свойств, ни структурной перестройки, ни радикального изменения формы. «Множественность» в данном случае не захватывает сами эти предметы, но лишь ансамбли вещей, людей и отношений, в которые данные предметы оказываются включенными. Разумеется, если мы станем на точку зрения актуализма с его миром вечного становления, где определение объекта зависит от сети отношений, в которую этот объект включен в данный момент, то мы обнаружим разные молотки и иглы, поскольку в этом случае они выступают как участники разных сетей[1].

Суждения о множественности *тел* и множественности *атеросклерозов* взаимно не эквивалентны в отношении онтологических характеристик этих объектов. Не будем забывать, что в первом случае речь идет о (воспользуюсь здесь старой терминологией британского логика Дж. Венна [Venn, 1866, p. 245 ff.]; близкие ее аналоги обнаруживаются еще у Аристотеля и Гоббса) *natural kind* — автономной вещи, партикулярности, единичности или индивидуума, самостоятельность и отдельность которой подтверждается во множестве разных контекстов как перцептивно, так и прагматически (а также феноменологически). В то время как атеросклероз остается *диагнозом* или *заболеванием,* т. е. врачебной *интерпретацией* состояния организма пациента, его *атрибутивной* характеристикой, о которой неуместно говорить как о целостности или отдельности. Хирург производит операцию на сосуде, а не «удаляет атеросклероз», как иногда выражаются в быту. Гематолог создает средство для борьбы с атеросклеротическим бляшками, или «плохим холестерином», не имея в виду какую-то самостоятельную и отличную от атеросклероза нозологию. Атеросклероз как *диагноз* уже является интерпретацией, врачебной *репрезентацией* некоторой симптоматики, и если гематологи и хирурги опираются в своих диагнозах на разные симптомы, то корректнее вести речь о плюралистической симптоматике, а не об онтологической множественности, связываемой с этими симптомами нозологии. Отсюда следует, что утверждение

1 Актуализм как элемент различных популярных версий спекулятивного реализма испытывает, однако, серьезные трудности при концептуализации пред- и ретросказаний и расходится как с научными представлениями об истории и эволюции, так и со взглядами, обусловленными повседневным опытом и здравым смыслом, опирающимися в своем повседневном развертывании на *тождественность* и *устойчивые* структуры и формы.

о вариативности синдромов не может логически обосновывать суждение о множественности атеросклерозов и, тем более, множественности тела пациента. Врачи не только говорят об атеросклерозе, но и в своей *практике* опираются на представление о конкретной единице в нозологической классификации, хотя и характеризуемой множественностью локализаций, проявлений и форм. Также и аналитики, исследующие практики лечения и диагностики, высказываются значительно осторожнее их последующих интерпретаторов. Та же Аннемари Мол открывает заключительную главу (Ch. 6. Doing theory) своей книги следующими словами:

> Это можно сделать. Написать этнографию болезни возможно. Эта книга демонстрирует, что это так. В ней представляется лоскутный *образ* (*a patchwork image*) атеросклероза артерий ног: *единого* заболевания (*a single disease*), которое в практике обнаруживается (*appears*) как большее чем единица — *без фрагментирования* на многие [Mol, 2002, p. 151] (курсив мой — *С.С.*).

То обстоятельство, что сторонница перформативной множественности, демонстрировавшая на протяжении всей книги различия в практиках конструирования заболевания у врачей разных специальностей, в итоге переходит от онтологической риторики к терминологии репрезентационизма (термину «образ», отсылающему не к самой реальности, а к ее воображению; использованию глагола *appears* вместо онтологического оператора *is*), свидетельствует, на мой взгляд, что Мол, опираясь в своей исследовательской практике на одну из версий спекулятивного реализма и реляционной онтологии, помнит об их *спекулятивном* характере. Иными словами, хотя ее исследование и вступает в дискуссию с идеологией модерна и постулатами научного реализма, избираемые автором формулировки свидетельствуют лишь о полемической и критической направленности этого подхода, позитивные основания которого остаются предварительными, или, если угодно, провокативно экспериментальными.

Возможна ли транспозиция онтологических утверждений Мол в привычную онтологию научного реализма? Что изменится, если обнаруживаемые ею в практико-ориентированном исследовании сборки атеросклеротических изменений, сцепленных с антуражем радиологической или гематологической лабораторий, хирургической операционной и морга, будут описываться в терминах привычной онтологии единой реальности, например, как различающиеся антропотехноморфизмы одного и того же тела, и одного и того же его поражения, последовательно перемещающихся и оказывающихся в разных прагматических конфигурациях и сцепках? Разумеется, уйдет полемическая радикальность, присутствующая

в онтоплюралистических версиях реальности, а с нею, возможно, — интрига, заставляющая читателя следить за аргументацией автора.

Коллеги Мол из Ланкастерского университета Джон Ло и Вики Синглтон, комментируя книгу вскоре после ее выхода в свет, писали:

> Она следует реляционному подходу STS, в соответствии с которым отчеты о реальности и реальности, которые в них описываются, производятся одновременно. Соответственно, она рекомендует понимать различия [в клинических картинах у представителей разных медицинских специальностей] онтологически. Это означает, что различие уже не является следствием разных перспектив рассмотрения одного объекта, но реализацией (*enactment*) различных объектов в различных наборах отношений и контекстах практики. Название книги Мол «The Body Multiple» отражает импликации этого поворота к онтологии. Тело, обычно воображаемое как единичность (*a single entity*), является *также* множественным (*is **also** multiple*), поскольку оно реализуется во множественных практиках [Law, Singleton, 2003, p. 8] (Выделено мною. — *С.С.*).

Я специально выделил союз «также», как бы размещающий привычную онтологию научного реализма и реляционную онтологию STS на одной плоскости, где они оказываются не столько конкурирующими, сколько дополняющими другу друга. Можно примириться с беспроблемно сосуществующими онтологиями (ведь как-то же сосуществуют, например, христиане и мусульмане, или буддисты и индуисты), но остается вопрос, в каком пространстве мы разместим объемлющую эти научные онтологии эпистемологию. Или мы, совершив вместе с ANT полный круг от фуколдианского скептицизма к конструктивизму, а затем к его критике и эмпирическим исследованиям производства знаний, должны будем окончательно распрощаться с универсальными регулятивами научного знания, в том числе и истиной как идеалом научного поиска?

Библиография/References

Bateson G. (1987 [1972]) *Steps to Ecology of Mind*, London: Jason Aronson Inc.

Bourdieu P. (1979) *La Distinction: critique sociale du jugement,* Paris: Minuit.

Canguilhem G. (2008 [1952]) *Knowledge of Life*, N.Y.: Fordham Univ. Press.

Ellul J. (1954) *La Technique ou l'enjeu du siècle*, Paris: Armand Colin.

Gilliard T.E. (1963) The Evolution of Bowerbirds. *Scientific American*, 209: 38–46

Hall E.T. (1989 [1976]) *Beyond Culture*, N.Y.: Anchor Books.

Heidegger M. (1954) Die Frage nach der Technik. *Die Künste im technischer Zeitalter*, München: 70–108.

Kusmierski R., Borgia G., Crazier R.H., Chan B.H.Y. (1993) Molecular information on bowerbird phylogeny and the evolution of exaggerated male characteristics. *Journal of Evolutionary Biology*, 6: 737–752.

Law J., Singleton V. (2003) *Object Lessons*, Lancaster: Lancaster University (http://www.comp.lancs.ac.uk/sociology/papers/Law-Singleton-Object-Lessons.pdf).

Lemonnier P. (1992) *Elements for an Anthropology of Technology*, Ann Arbor: Univ. of Michigan.

Leroi-Gourhan A. (1943) *Evolution et techniques*. Vol. I. *L'Homme et la matière*, Paris.

Leroi-Gourhan A. (1945) *Evolution et techniques*. Vol. II. *Milieu et techniques*, Paris.

Mauss M. (1936 [1934]) Les techniques du corps. *Journal de Psychologie*, XXXII (3–4) (http://classiques.uqac.ca/classiques/mauss_marcel/socio_et_anthropo/ 6_Techniques_corps/techniques_corps.pdf).

McLuhan M. (1978) The Brain and the Media: the Western Hemisphere. *Journal of Communication*, 28: 54–60.

Merleau-Ponty M. (1945) *Phénoménologie de la Perception*, Paris : Gallimard.

Mol A. (2002) *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice,* Durham: Duke Univ. Press.

Mumford L. (1934) *Technics and Civilization*, London: Routledge & Kegan Paul.

Rapp F. (1987) Perspektiven einer Philosophie der Technik. *Revue International de Philosophie,* 41: 171–183.

Rogers E.M. (2000) The Extensions of Men: The Correspondence of Marshall McLuhan and Edward T. Hall. *Mass Communication & Society*, 3 (1): 117–135.

Sparrow T., Hutchinson A. (eds) (2013) *A History of Habit from Aristotle to Bourdieu,* Lanham: Lexington Books.

Stiegler B. (1994, 1996) *La Technique et le temps.* Vol. 1–2, Paris: Editions Galilée.

Venn J. (1866) *The Logic of Chance*, London: Macmillan.

Wacquant L. (2011) Habitus as Topic and Tool: Reflections on Becoming a Prize-fighter. *Qualitative Research in Psychology*, 8: 81–92.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Соколовский С.В. Антропотехноморфизмы и антропология техно-корпореальности. *Социология власти*, 29 (3): 23–40.

Sokolovskiy S.V. (2017) Anthropotechnomorphisms and the Anthropology of Techno-Corpo-Reality. *Sociology of Power*, 29 (3): 23–40.

Поступила в редакцию: 14.03.2017; принята в печать: 28.04.2017